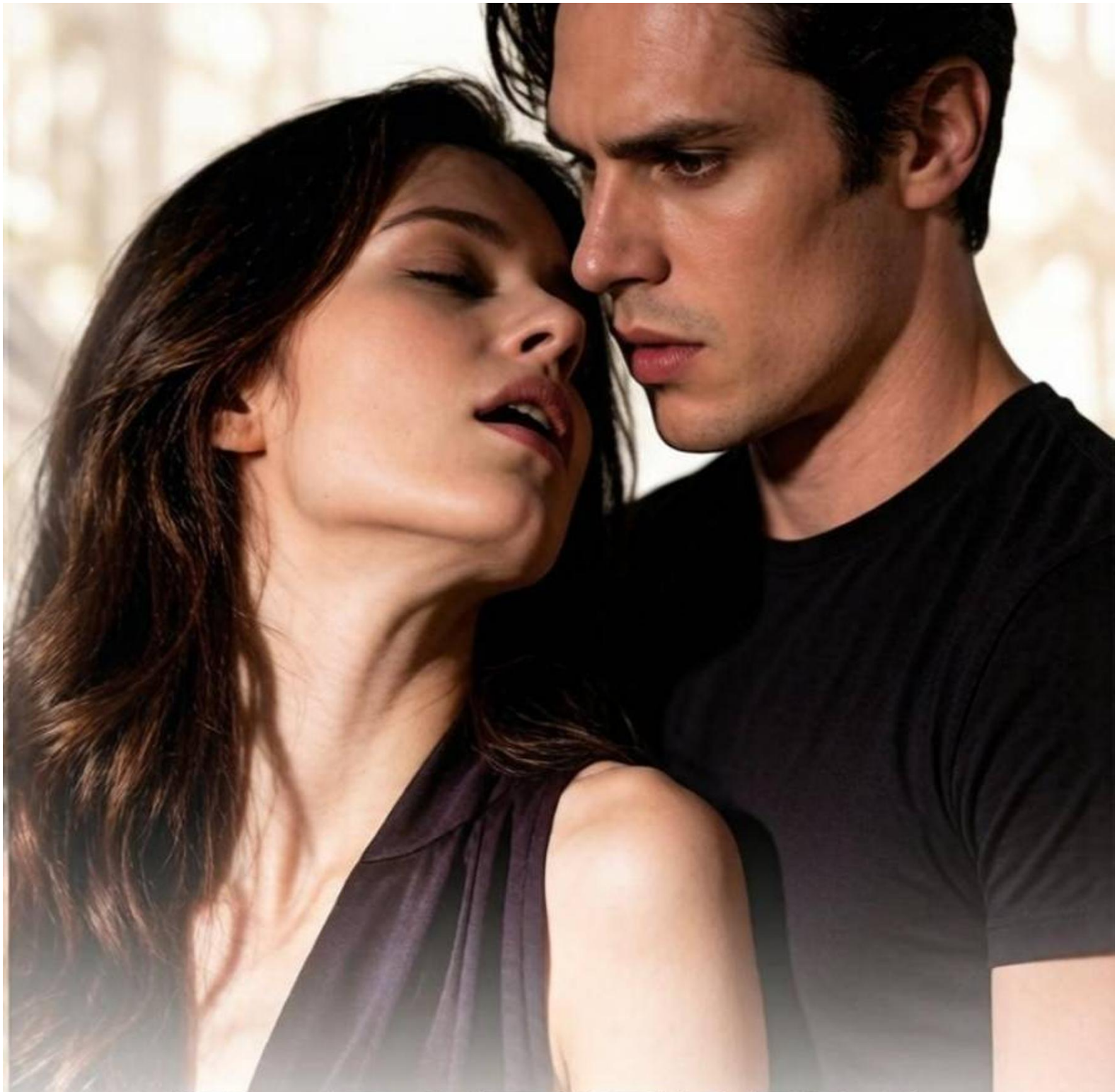

В ПЛЕНУ СТРАСТИ

Мария Ежова

18+

Мария Ежова

В плену страсти

«Автор»
2026

Ежова М.

В плену страсти / М. Ежова — «Автор», 2026

Их встреча была случайной, а притяжение — необъяснимым. Лолита и Костя растворяются друг в друге, и окружающий мир перестаёт иметь значение. Однако за этой всепоглощающей страстью скрывается тёмная сторона: Костя не может разделить ни своё чувство, ни Лолиту ни с кем — даже с её тенью или воспоминаниями. Его ревность не знает логики, она питается сомнениями и становится всё беспощаднее. Лолита всё чаще ловит на себе его тяжёлый взгляд и понимает, что любовь, которая казалась спасением, начинает душить её. Сможет ли их страсть пережить испытание одержимостью или она станет их общим приговором?

© Ежова М., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 5
Г 10
Конец ознакомительного фрагмента. 11

Мария Ежова
В плену страсти

Глава 1

Лолита не любила вокзалы. Они всегда были наполнены чужими историями и людьми, которые словно стремились убежать от самих себя. В тот вечер она стояла у колонны, прижимая к груди сумку, и старалась унять дрожь в пальцах. Поезд задерживался, и вместе с ним тянулась эта бесконечная пауза перед новой жизнью. Лолита уезжала из города, где всё напоминало о том, что лучше забыть. Она надеялась, что стук колёс заглушит её мысли и поможет забыть о прошлом.

И тут появился он. Не из толпы, а словно из самой этой паузы — стремительно, уверенно, как человек, который точно знает, куда идёт. Костя. Он не спешил, но двигался так, будто пространство само расступалось перед ним. Лолита заметила его краем глаза: высокий, в тёмном костюме, с таким взглядом, от которого хотелось либо спрятаться, либо шагнуть навстречу. Он остановился рядом, не спрашивая разрешения, словно это место по праву принадлежало ему. И когда он заговорил, голос у него был низкий, чуть хрипловатый, как будто он привык отдавать распоряжения и не сомневался, что их выполнят.

— Здесь всегда многолюдно, — произнёс он, глядя не на неё, а куда-то вперёд, в толпу. — Но у этой колонны не так шумно. Вы приняли верное решение постоять здесь. Поезд всё равно задерживается. Если хотите, я могу помочь вам с сумкой. Она выглядит очень тяжёлой.

Лолита хотела отказаться от помощи незнакомца — она не любила принимать её, особенно когда сама старалась казаться сильнее, чем была на самом деле. Однако в его словах не было настойчивости, только спокойная уверенность, которая странным образом успокаивала. Она кивнула, не поднимая глаз, и почувствовала, как напряжение в плечах немного ослабло, когда она передала ему свою сумку.

Они не стали тратить время на пустые разговоры. Вместо этого Костя начал рассказывать Лолите о вокзале: как он устроен, где гуляют сквозняки, в какое время здесь тише всего и почему поезда почти всегда опаздывают. Он говорил так, как будто знал это место как свои пять пальцев, словно оно было его личной территорией.

Лолита внимательно слушала, и с каждым его словом ей становилось спокойнее. Когда она подняла глаза, чтобы поблагодарить Костю, то столкнулась с его пристальным взглядом. Он смотрел на неё так, словно хотел прочитать все её мысли. Это внимание одновременно и радовало её, и пугало.

Когда объявили посадку, Костя решил проводить её до вагона. Он тихо произнёс:

— Я помогу вам с сумкой. Тут толпа.

Лолита молча кивнула и вдруг осознала, что впервые за долгое время не чувствует себя одиноко в этом круговороте событий. Они шли сквозь толпу, и Лолита ловила на себе его короткие взгляды — не украдкой, а открыто, без стеснения, словно он имел на это полное право. И что самое удивительное, ей хотелось, чтобы он продолжал смотреть на неё.

Костя не сразу покинул вагон. Он задержался у двери, о чём-то раздумывая, а затем спросил:

— На сколько вы уезжаете?

Лолита пожала плечами:

— Возможно, навсегда.

Он слегка наклонил голову, обдумывая эти слова, и вдруг улыбнулся — нешироко, так, что улыбка не коснулась глаз.

— Тогда давайте обменяемся номерами телефонов. На всякий случай, если поезд снова опоздает, и вам снова придётся стоять у той колонны. Или вдруг вы решите вернуться, — предложил он.

Лолита, сама не понимая почему, рассмеялась и продиктовала номер. Он записал его, не отрывая взгляда, словно боялся, что если моргнёт, то она исчезнет. И только когда проводница попросила освободить проход, он наконец-то отступил. Но перед этим тихо добавил:

— Я напишу. Обязательно.

Поезд тронулся, и Лолита прижалась лбом к стеклу. Костя стоял на перроне, не махая ей, просто глядя вслед, пока платформа не скрылась из виду. В этот момент она впервые за много дней почувствовала не пустоту, а предвкушение — как будто впереди её ждало что-то большое, сильное и немного опасное.

Всю ночь она почти не сомкнула глаз. За окном проносились огни городов, а в мыслях всё чаще возникал его образ: его слова, его взгляд, его спокойная уверенность, от которой по телу пробегала дрожь. Телефон лежал рядом, и каждый раз, когда на экране появлялось уведомление, сердце замирало от волнения. Но он не писал, и ожидание становилось почти невыносимым.

Утром, когда Лолита подъезжала к гостинице, Костя наконец-то написал ей. Это было всего лишь одно короткое сообщение: «Вы доехали?» Но этого оказалось достаточно, чтобы в душе Лолиты всё перевернулось. Она зашла в свой номер, удобно устроилась на кровати и полностью погрузилась в разговор с Костей.

Они проговорили до рассвета — о самых незначительных вещах, но так, словно знали друг друга много лет. Слова лились легко, словно между ними не было никаких преград, страхов или прошлого. И когда первые лучи солнца скользнули по подушке, Лолита осознала, что не хочет, чтобы этот разговор заканчивался. И она решила вернуться…

Костя приехал на вокзал, хотя она его об этом не просила. Он встретил её у выхода, взял её сумку, как будто это было самым обычным делом, и повёл к машине. В салоне пахло кожей и чем-то терпким, и этот запах вдруг стал для неё ароматом безопасности. Они ехали по просыпающемуся городу, и Лолита смеялась над его историями. А он смотрел на неё так, словно пытался запомнить каждую её улыбку.

Вечер наступил незаметно.

Они оказались в маленькой уютной квартире Кости, которую он назвал временной. Но даже в этом скромном жилище чувствовалось его присутствие: всё было расположено с определённым вкусом, и каждая вещь находилась на своём месте.

Лолита с почти хищным, собственническим удовлетворением осматривала гостиную. Это пространство больше не было для неё чужим — оно стало первой точкой на карте их общего мира. Она нежно скользила кончиками пальцев по шершавым корешкам книг на полке: пыльный картон, тиснёная кожа, дешёвая бумага в мягкой обложке. Каждое касание было актом присвоения. Она глубоко вдыхала запах этой берлоги — смесь крепкого мужского парфюма, старой бумаги, остывшего кофе и едва уловимой ноты табачного дыма. Этот запах был чужим, пугающим и неправильным для двадцатидвухлетней девушки, но сейчас он казался ей самым родным на земле, запахом абсолютной безопасности.

Костя стоял у окна, прислонившись плечом к косяку, и не отрывал от неё взгляда. Он не пытался скрыть своего желания — сильного, глубокого, первобытного. Скрестив руки на груди, он наблюдал за каждым её движением: как тонкая ткань блузки натянулась на её спине, как она привстала на цыпочки, чтобы дотянуться до верхней полки, открывая полоску бледной кожи над поясом джинсов, как прикусывает губу, сдувая со лба непослушную прядь чёрных, как

смола, волос. Лунный свет из окна создавал вокруг неё сияние, превращая обычную девушку в нечто нереальное, в мираж, который он боялся разрушить.

— Тебе нравится? — его голос звучал глухо, будто кто-то царапал его связки. Он сам не узнал свой голос.

Лолита медленно обернулась, словно поднимаясь из глубин. Она не стала ничего отвечать. Зачем говорить, когда воздух между ними внезапно стал густым, тяжёлым и наэлектризованным до предела? В комнате повисло напряжение — ощутимое, осязаемое, словно плотная ткань или острое лезвие. Оно давило на барабанные перепонки, заставляя сердце биться чаще. Она сделала шаг от полки к нему. Этот шаг прозвучал как выстрел в тесной комнате.

Костя не двинулся с места, лишь его плечи слегка напряглись. Он наблюдал, как она пересекает комнату — грациозно, как кошка, покачивая бёдрами с той врождённой, сводящей с ума грацией, которая доступна лишь тем, кто ещё не осознаёт своей сокрушительной силы.

Она остановилась прямо перед ним, так близко, что ему пришлось опустить голову. Их взгляды встретились. В её глазах не было ни страха, ни стыда — только расплавленное золото и абсолютное, немного пугающее доверие. Медленно, почти благоговейно, она подняла руку и положила ладонь ему на грудь, прямо над сердцем. Сквозь тонкую хлопковую футболку она чувствовала его сердцебиение — тяжёлое, сбивчивое, отбивающее ритм только для неё.

— Оно стучит так громко, — произнесла Лолита, и её голос дрогнул. — Как будто хочет вырваться наружу. Или пробить мне рёбра.

Костя издал глубокий грудной звук, что-то среднее между стоном и рычанием. Его самоконтроль, натянутый до предела, наконец-то дал трещину. Он резко выдохнул, и этот звук разорвал тишину. Его руки, которые до этого были скрещены на груди, взметнулись вверх и крепко, до боли, обвили её талию, притягивая к себе. Ткань их одежды казалась обоим грубой пыткой. Он прижал её к своему телу, позволяя ощутить всю силу своего желания и каменную твёрдость мышц.

— Лолита… — прошептал он ей в губы, и в этом звуке было не предостережение, а мольба. Последняя попытка удержаться на краю пропасти.

Но Лолита уже падала. Обвив его шею руками, она запустила пальцы в его волосы на затылке, чтобы лишить его возможности отстраниться, и потянула его голову вниз.

Их губы встретились не с нежностью, а с жадностью, граничащей с жестокостью. Это было не просто прикосновение — это было столкновение двух тектонических плит, короткое замыкание. Поцелуй был наполнен ароматом утреннего кофе, никотина и её собственной пьянящей смелостью. Он захватывал её рот, наслаждаясь её дыханием, а его язык властно исследовал каждую его складочку, заявляя на неё свои права и оставляя неизгладимый след.

Костя издал глухой стон, теряя последние крупицы разума. Он подхватил её под бёдра и одним стремительным, но плавным движением поднял. Ноги Лолиты инстинктивно обвили его талию, скрещиваясь на пояснице. Холодный книжный корешок, впившийся ей в лопатки, когда он прижал её к полке, лишь усилил остроту момента.

Книги с грохотом посыпались на пол, но они даже не обратили внимания на этот шум. Мир сжался до крошечного пространства, где были только его горячие ладони, нежно сжимающие её ягодицы сквозь джинсы, его язык, ласкающий её рот, и её собственные пальцы, которые с лихорадочной поспешностью поднимали его футболку, стремясь наконец прикоснуться к его горячей, влажной от пота коже.

Она слегка царапнула его спину ногтем, и Костя, зарычав, на мгновение оторвался от её губ, чтобы заглянуть в её затуманенные, полные страсти глаза. Затем он снова приник к её губам, заглушая её тихий, прерывистый стон. Это было уже не просто желание — это была острая, нестерпимая потребность обладать ею, поглотить её, сделать своей навсегда, пока этот хрупкий мир не рухнул вокруг них.

Ночь не просто пролетела — она налетела на них, поглотила без остатка и снова возродилась, превратившись в бесконечный, томный, лихорадочный полусон. Это был не отдых, а отчаянная, почти животная попытка вместить целую жизнь — от первого робкого вздоха до последнего, горького поцелуя на смертном одре — в несколько коротких, но бесконечных часов.

Время утратило свою значимость, растворившись в жаре их тел. Пространство сжалось до размеров смятых, влажных простыней, наполненных ароматами их кожи, табака и дешёвого кондиционера.

Лолита засыпала медленно, погружаясь в густой, тёмный мёд. Она уткнулась носом в его ключицу, и Костя представлялся ей не просто мужчиной, а единственным островом посреди бушующего океана. Он был сильным, горячим и пах страстью и чем-то первобытным. Лолита вдыхала его запах, стараясь запомнить на клеточном уровне, впитать его в свою кровь, чтобы даже через десять лет, закрыв глаза, она могла узнать его из тысячи.

Его пальцы не просто скользили по её волосам — они жили своей собственной, жадной жизнью. Сначала они запутались в её спутанных, влажных прядях, сжимая их у корней, заставляя её запрокидывать голову и выгибать шею, подставляя беззащитное горло. Затем они спустились ниже — тяжёлые, требовательные, оставляя на её разгорячённой спине невидимые следы. Он чертил на её коже широкие, собственнические круги, спускался к изгибу поясницы, впивался в бедро, притягивая её ещё ближе, впечатывая в себя так, чтобы между ними не осталось ни миллиметра воздуха.

— Не отпускай, — произнесла она хриплым голосом, который казался ей чужим, хотя она уже засыпала.

— Не смогу, — его голос, низкий и хриплый, как наждачная бумага, вибрировал у неё над ухом. — Даже если очень захочу, не смогу.

Его ладонь легла на её затылок, а большой палец уверенно прижался к сонной артерии, ощущая бешеный пульс. Он не просто гладил её — он как будто помечал свою территорию. Каждое движение его рук говорило о том, что она больше не принадлежит себе. Она стала его слабым местом, его наваждением, его самым уязвимым местом, в которое он сам же и целился.

Лолита думала, погружаясь в сладкий сон, что её тело впервые говорит ей правду. Всю свою жизнь, полную фальши, оно было лишь вежливым костюмом, который ей приходилось носить. Но сейчас, под тяжестью его руки, под этими требовательными, изучающими и одновременно клеймящими прикосновениями, оно наконец-то стало настоящим. Кровь не просто текла по венам — она гудела, закипала, превращаясь в лаву. Каждый нерв был обнажён.

Впервые в жизни она почувствовала себя на своём месте. Эта мысль не была светлой или умиротворяющей — она была острой, как лезвие, и пьянящей, как чистый спирт. Она звучала в каждом ударе её сердца. Она ощущала себя не просто «дома», а в самом центре пожара, в точке абсолютного нуля и бесконечного жара одновременно. Здесь ей не нужно было притворяться хорошей девочкой, здесь она могла быть жадной, страстной, ненасытной и неправильной. Наконец, её яркая и немного разрушительная женственность нашла своё отражение в его мужской, не менее сильной энергии.

Костя ощущал, как её дыхание становится спокойным, но её пальцы, лежащие на его спине, не разжимались. Во сне она продолжала слегка царапать его кожу своими короткими ногтями, боясь, что если отпустит, он исчезнет в предрассветном тумане. Он смотрел в потолок, где уличный фонарь отбрасывал на обои дрожащие тени, и осознавал, что пропал. Пути назад нет. Эта девушка, от которой веяло запахом дождя и греха, только что завладела его лёгкими, и теперь он будет дышать лишь ею.

Он осторожно, боясь нарушить это состояние хрупкого и безмятежного безумия, перевернул её на спину. Лолита что-то невнятно промычала, не открывая глаз. Костя наклонился над ней, опираясь на локти, и просто смотрел на неё. В полумраке её лицо напоминало маску

античной богини: припухшие, искусанные губы, тёмные круги под глазами, влажная прядь, прилипшая ко лбу. Она была прекрасна в своей порочности.

— Моя, — произнёс он, нежно обдавая её губы своим дыханием, и это слово прозвучало как окончательный приговор. — Слышишь меня? Отныне ты принадлежишь только мне.

Вместо ответа она нашла в темноте его губы. Это не был поцелуй — это было поглощение. Глубокое, влажное, полное страсти. Её язык уверенно проник в его рот, заявляя на него права. Костя со стоном сдался, погружаясь в неё с новой силой, начиная новый круг этой бесконечной ночи, будто единственной в их жизни. Мир за пределами этой комнаты перестал существовать. Были только они, пойманные в ловушку собственной гибели, жадно проживающие эти украденные часы, которые казались им целой вечностью.

Утро встретило их ярким светом и тишиной, которую нарушал лишь звук уведомлений. Костя сидел на краю кровати, держа в руках её телефон. Лолита замерла, не понимая, что происходит.

— Кто это пишет? — спросил он спокойно, но в его голосе уже звучала та самая нотка, от которой становилось холодно. — Кто этот «Макс», который прислал тебе уже три сообщения подряд? Ты ему что-то обещала? У тебя с ним что-то было или есть?

Лолита села, поправила одеяло и попыталась улыбнуться, чтобы скрыть смущение.

— Это всего лишь коллега, — произнесла она. — Мы обсуждали рабочие вопросы. Он очень переживает, что я не ответила на его сообщение.

Костя кивнул, но его взгляд стал серьёзным. Он словно пропускал каждое её слово через какой-то внутренний фильтр. Костя вернул телефон, но сделал это не как что-то обычное, а будто вещь, которая вызывала у него дискомфорт.

— Знаешь, — он помолчал, подбирая слова, — я не хочу, чтобы кто-то отвлекал тебя по утрам. Ты только проснулась, и тебенужно время, чтобы прийти в себя.

Лолита кивнула, хотя внутри у неё всё сжалось. Ей хотелось возразить, что она справится сама и не нуждается в защите от обычных рабочих сообщений. Но вместо этого она тихо произнесла:

— Хорошо. Я отвечу ему позже.

Костя улыбнулся, как будто она сказала именно то, что он ждал услышать. Он потянулся к ней, притягивая её к себе. На мгновение ей показалось, что всё хорошо. Что это просто проявление заботы. Что он просто беспокоится.

Однако, когда он снова обнял её, Лолита на мгновение закрыла глаза и задалась вопросом: «А что, если эта забота однажды станет для меня клеткой?». Но она сразу же отбросила эту мысль, потому что рядом с ним ей хотелось верить только в лучшее.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.